

Юрий АРАБОВ

Клон без привкуса генетики

Опубликовано в журнале "Звезда" № 11-12 2001 г. с. 11.

Недавно в коридоре киноинститута, где я преподаю сценарное мастерство, мне повстречался Гитлер. Был он интеллигентен, подтянут и худ. Выразительные, чуть навывкате глаза смотрели на меня с грустью и затаенным вопросом. Два железных орла на военном кителе призывали к энергии и боевой славе. Убеждая себя в том, что на учебной студии происходят съемки исторической картины, я сделал зигзаг и попытался обойти опасного путника стороной. Но Гитлер резко шагнул мне навстречу и тихо сказал, протягивая ладонь для дружеского рукопожатия: «А я — к вам. Вы ведь сделали фильм обо мне?.. Давно собирался с вами поговорить». Что мне оставалось делать? И я, противник фашизма, пожал руку фюрера. Она была тонкой, нервной, с длинными пальцами и ухоженными ногтями. Лицо же... Сказать, что незнакомец был похож на лидера Третьего рейха, значит не сказать ничего. Это была точная копия Гитлера, но копия чем-то озабоченная и слишком доброжелательная к собеседнику. Мы отошли к окну. «Ну и как вам кино?» — спросил я, чтобы с чего-то начать неловкий разговор. Я имел в виду фильм «Молох». «Многое угадано верно, — ответил фюрер и отчего-то вздохнул. — Американцы хуже делают. Вот сейчас они затеяли съемки про покушение на меня в 45-м году... Но разве они знают, как было дело? Наташат звезд, разведут малину...» «Это точно», — подпел я, чувствуя, что схожу с ума от иррациональности всей ситуации. «Посмотрите, — Гитлер полез в потертый кожаный портфель и вынул оттуда альбом с фотографиями, — как встречает меня Москва...» Его фотографии запечатлели, в основном, великосветскую тусовку. На одном лакированном фото я вдруг узнал Владимира Вольфовича. Он смиренно стоял без обычной своей спеси, склонив голову набок, а мой собеседник что-то вкрадчиво объяснял ему на ухо. На другой фотографии я заметил известного сенатора. Гитлер держал его за руку, оба улыбались.

Через минут десять я все-таки освоился. Ужас от нежданной встречи уступил место интересу. Да и с собеседника вдруг сползла заимствованная маска, и кабы не орлы на мундире, то я бы подумал, что стою у окна с каким-нибудь студентом. Говорили мы долго, и уже после встречи я навел о моем новом знакомом некоторые справки. Я назову его Гришей Ситниковым. Родился он в Ташкенте почти шестьдесят лет тому назад. Отец его был убит в последние дни войны. Гриша, закончив авиационный техникум, работал кройщиком деталей (так он назвал свою бывшую должность) на военном заводе. Сгубила же его, как я понял, местная артистическая богема. Кто-то сказал, что он вылитый Гитлер, особенно если начешет редкие волосы на выпуклый лоб. Однажды его друг, актер местного драматического театра, наклеил на Гришину губу маленькие черные усики. Гриша глянул на себя в зеркало и обомлел. На него в упор смотрел печально известный исторический персонаж. После этого Ситников засел в библиотеках, выискивая в книгах все, что касалось истории Третьего рейха. С работой Гриша завязал, однако начал, как и его исторический прототип, писать картины. Я не рискнул спросить фюрера, как он осмелился надеть форму, но из косвенных намеков понял, что одевался Гриша, так сказать, постепенно и виновата в его странной реинкарнации наша любимая столица. В начале 90-х Ситников приехал в Москву, бедный и голодный, но с тайной мечтой сделаться артистом какого-нибудь театра. Скитаясь по вокзалам, он набивался на прослушивание к режиссерам, но все было тщетно. Наконец кто-то из друзей сказал, что в одном из бывших домов культуры будет проходить конкурс двойников. Проблема состояла в том, что Гриша начал лысеть, и пришлось к его дебюту срочно добывать парик. На конкурсе Гитлер из Ташкента не получил премии, его опередил, кажется, ростовчанин, отец семейства, который знал по-немецки начало браваурной песенки: «Дойчен зольдатен унд офицерен!..» Однако Гришу заприметила известная рок-группа. Лидер ее сообразил, что образ Гитлера явно украсит выступления, привнеся в них остроту и агрессивность. И с тех пор Ситников оказался при деле. Он объездил с рокерами весь бывший Союз, постепенно делаясь известным в стране человеком, его начали приглашать к себе на дни рождения политики и актеры. Приглашали поначалу в качестве шута, а потом в качестве доброго знакомого с усиками и челкой.

Самым удивительным было то, что его образ пришелся как нельзя ко двору. Молодежь на концертах визжала и поднимала руки в фашистском приветствии. А сам Гриша наливался чувством серьезности и собственной значимости. Я спросил про конъюнктуру в бизнесе двойников, кто сейчас самый популярный. Гриша ответил, что все девяностые годы лидировал Борис Николаевич со своим вечным «понимаешь», однако ныне, в связи с отставкой, резко сдал. Первое же место в данный момент, по уверениям Ситникова, делят Владимир Ильич с галстуком в горошек и он, Гитлер. «Вы бы написали обо всем этом, — посоветовал я, — о своей жизни. Как сын убитого русского солдата сделался фюрером и как вписался в столичную жизнь. Это же интересно». «Вы думаете?..» — спросил Гриша с недоверием. На этом мы и расстались.

Придя домой, я машинально включил телевизор и начал шарить по программам, пытаюсь отогнать неприятные мысли. Но за цветным мельтешением мне чудилось лицо Ситникова. И я подумал: странное какое-то время. Точнее, совершенно сумасшедшее. Мы все, незаметно для себя, лишаемся не только родины, но и собственной индивидуальности, беря напрокат то, что модно. В Америке, например, среди двойников популярны Элвис Пресли и Джон Леннон. В России же, как всегда, замес намного круче, и клонированный Гитлер становится частью всеобщего маскарада. Я вдруг вспомнил, что Сталин в свое время очень интересовался Иваном Грозным, уж не брал ли он образ сумасшедшего самодержца напрокат?.. Борис же Николаевич, наоборот, тяготел к Петру Первому, особенно к фразе, сказанной поэтом: «И запируем на просторе...» Но мои мысли вдруг были прерваны очередным выпуском теленовостей. Диктор сообщил, что при посещении Лувра наш новый президент сломал график маршрута и пошел в зал наполеоновской славы, где пробыл около часа... Внутри меня что-то оборвалось, внутренний голос прошептал: «Вот оно!..» Мне хотелось встать и крикнуть: «Нет, нет, Владимир Владимирович, только не это! Ведь есть же и другие имиджи! Махатмы Ганди или, на худой конец, Александра Второго Освободителя...» Но они в нашем любезном отечестве почему-то не котируются. Все-то нас сносит на скрип сапог и шорох поддельной кожаной портупеи...